

Ф. Е. Василюк

Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема

За последние 20 лет отечественная психология неузнаваемо изменилась. Численность психологического «населения» выросла в десятки и десятки раз, и подавляющее большинство психологов теперь заняты практической психологической работой. Дело не только в количественных переменах, произошло радикальное структурное преобразование дисциплины. Долгие годы слово «психология» означало у нас «психологическая наука»: это была своего рода голова профессора Дуэля, глубоко мыслящая, дававшая порой дельные советы практикам — врачам, педагогам, военным, но лишенная тела — собственной, психологической практики.

Формирование психологической практики как особой социальной сферы принципиально изменило и положение психологии в социуме, и положение внутри самой психологии. Глобальная проблема современной отечественной психологии состоит в расщеплении между «головой» и «телом», между психологической наукой и психологической практикой. В ряде областей психологии, где сильны были практико-ориентированные наработки академической психологии (например, в нейропсихологии, педагогической психологии), этот разрыв не столь заметен, но есть одна, ключевая для психологической практики сфера — психологического консультирования и психотерапии, где наблюдается настоящий схи́зис между традицией отечественной психологической науки и складывающейся практикой [14].

Хотя и в этой сфере одной из авторитетных отечественных психологических теорий — теорией отношений В.Н. Мясищева [27] — были заложены основания для построения продуктивной психотерапевтической концепции Б. Д. Карвасарского, но именно в области психотерапии процесс развития самостоятельной психологической практики шел так бурно и так безоглядно, под таким мощным влиянием знаменитых западных психотерапевтических школ, что успело вырасти целое поколение психологов, чья профессиональная идентичность совпадает с названиями этих школ, и, увы, среди легиона новоявленных психоаналитиков, гештальттерапевтов, психодраматистов, роджерсианцев, юнгианцев и пр. нелегко отыскать психолога-психотерапевта, гордо именующего себя «мясищевцем», а уж, например, «леонтьевца» не стоит и пытаться искать.

Федор Ефимович Василюк после окончания факультета психологии МГУ (1977) был аспирантом А.Н. Леонтьева, затем В.П. Зинченко. С 1981 по 1987 г. работал клиническим психологом в психиатрической больнице (село Строгоновка в Крыму). В 1984 г. опубликовал книгу «Психология переживания», которая в 1991 г. была переиздана на английском языке издательством «Simon & Schuster». В 1986–1988 гг. участвовал в создании одного из первых в стране специализированных социально-психологических центров, а с 1988 г. — в создании Института человека АН СССР. С 1990 по 1993 гг. возглавлял Центр психологии и психотерапии. В 1992 г. по его инициативе был основан Московский психотерапевтический журнал. С 1994 г. заведует лабораторией научных основ психотерапии Психологического института РАО. С 1997 г. является деканом факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета.

Ф.Е. Василюк известен своими исследованиями в области методологии психологии, психологии сознания, психотерапии и христианской психологии. Занимается индивидуальной и групповой психотерапией. На основе теории переживания развил авторскую систему «Понимающей психотерапии». Этот подход отличает детальнейшая разработка психотерапевтической техники, которая осваивается обучающимися в форме психотерапевтических мастерских.

*Автор благодарит РГНФ за финансовую поддержку исследования.
Проект № 07-06-00477а.

Говоря о схизисе психологической науки и практики в области психотерапии, нужно понимать, что практика психотерапии — это не «всадник без головы», не просто сиротское эмпирическое ремесленничество, которое мечтает найти теоретического опекуна и от него получить концептуальное оправдание и назидание, освящение и руководство. Каждая из психотерапевтических школ, саженцы которых стали расти в нашей, далекой от Вены, Лондона и Сан-Франциско провинции, вполне оснащена собственными теоретическими моделями и не нуждается для своего развития в переосмыслении средствами той или иной местной, отечественной общепсихологической теории. Да и каждая из последних вряд ли захотела бы и смогла бы стать «головой» для, предположим, психоаналитического «тела», даже если бы и возможно было вместо ритуальной в советские годы марксистской критики психоаналитической теории (заметим, всегда одной лишь теории! — не метода) отделить это тело с помощью некоей методологической гильотины для благотворного воссоединения его с новой, *правильной* головой. Словом, когда речь идет о *практике* психотерапии в ее развитых формах психотерапевтических школ, мы имеем дело с целостными теоретико-практическими программами, реализующими собственную генетическую программу и стремящимися к собственному распространению и воспроизводству.

В результате насаждения различных разновидностей авторитетных западных психотерапевтических школ все более распространяются, постепенно набирают силу, а отечественная психология не знает, как к этой растительности отнестись, своего сада тоже не сажает, и от этого разрыв между психологической наукой и психологической практикой, оформившийся в конце 1980-х — начале 90-х еще и как разрыв поколений (старого, занимавшегося якобы только наукой, и молодого, занявшегося, наконец, практикой), кажется все более безнадежным.

Отечественная психологическая традиция долго вынашивала мечту о рождении психологической практики, но когда практика родилась и набрала силу, оказалось, что эта птица из совсем другого гнезда, и она готова лишь к распространению своего генетического вида на новых территориях, а уж вовсе не к кооперации и тем более служению туземным психологическим теориям.

Пропась между психотерапией и отечественной психологической наукой — факт, имеющий не частное, локальное, а принципиальное значение для отношений между практикой и наукой в нашей психологии, поскольку психотерапия, как показал весь опыт развития психологии в XX столетии, — это не рядовая практическая дисциплина, а системообразующее ядро, законодательница мод для всей разветвленной системы психологической практики и практической психологии [9], да и общепсихологической теории. Таким образом, проблема, в которой решается судьба

отечественной психологической традиции, состоит в том, удастся ли методологический «брак» между психологической наукой и психотерапией, потому что от этого во многом зависит, удастся ли преодолеть схизис между психологической наукой и психологической практикой вообще.

Это, на наш взгляд, самая актуальная психологическая проблема последних двадцати лет. Особую актуальность, остроту, но и особые надежды на ее позитивное разрешение задают процессы и ситуация в психологическом образовании. Если в конце 80-х — начале 90-х годов образовательный маршрут большинства подвигающихся в области психотерапии напоминал прыжки по болотным кочкам, от одного «воркшопа» к другому, то к середине 90-х годов складываются устойчивый спрос и предложение длительной систематической подготовки на основе базового университетского психологического образования. Этот спрос, с одной стороны, бросает отечественной научно-психологической традиции серьезный вызов, а с другой, дает исторический шанс.

Научно-психологическая традиция поставлена перед радикальным вопросом: сможет ли она породить такую методологию, теорию и методы, которые соответствовали бы реальности нового положения психологии в социуме и новой ситуации внутри самой психологии, сможет ли она дать продуктивный синтез психологической теории и практики вообще, и в области психотерапии в особенности. Психотерапия стала сейчас в методологическом отношении пробным камнем для всей отечественной научно-психологической традиции. Не сможет она выдержать испытание психотерапией — без нее обойдутся в практике, потом в образовании, а затем и в самой науке.

Не стоит при этом думать, что главный вопрос стоит в плоскости конкуренции (экономической или идеологической) «чужого» и «своего». Суть дела глубже и принципиальней. Если дух традиции выветрился, если она не может полноценно служить ни истине, ни пользе, это грустно, но не поливать же, в конце концов, высушенное дерево из одних лишь ностальгических или ложно-патриотических настроений, вместо того чтобы заботливо выращивать у себя привезенные из-за моря саженцы, которые рано или поздно дадут же и на нашей почве плод. Словом, психотерапевтическая практика и психотерапевтическое образование поставили отечественную научно-психологическую традицию не только в ситуацию жесткой конкуренции, не только в ситуацию выживания, они поставили ее перед сократовской задачей познать самое себя и ответить на вопрос: есть ли в ее корнях и истоках, в ее генотипе потенци порождения полноценных психологических (и, в частности, психотерапевтических) практик. Ответить на этот вопрос и вызов нельзя декларативно, в такой ситуации принимаются только действенные практические ответы.

Цель

Цель данной статьи — представить в сжатом, конспективном виде *опыт построения психотехнической системы психотерапевтической помощи в русле отечественной психологической традиции, системы, получившей название «Понимающая психотерапия»*.

Поясним формулировку. Речь идет именно о «психотехнической системе». Это не просто психологическая теория, которая научно объяснила бы механизмы психотерапевтического процесса. Это не просто практический психотерапевтический метод, который основывался бы на той или другой общепсихологической теории и являлся бы эффективным приложением этой теории в сфере психотерапии. Психотехническая система — это специфический «организм», объединяющий в себе психологическую теорию и практический метод, организм, где исследование включает практику как основу всякой своей научной операции [20], где теория своим предметом делает не некий «объект», а «практику-работы-с-объектом», где адресатом теории является психолог-практик и где, с другой стороны, практика является не просто изнутри просвещенной и извне оправданной данной теорией, а где сама она является центральным исследовательским методом [28; 9].

В это представление о психотехнической системе необходимо внести важную инновацию. Полноценная психотехническая система кроме «психологической теории» и «психологической практики» включает в себя как жизненно важный внутренний орган «психотехническое образование». История развития психотерапии породила специфические формы трансляции знаний и опыта в виде «психотерапевтических мастерских», «супервизии» и «дидактической терапии». Главная черта всех этих образовательных форм в том, что в них осуществляется не безличная трансляция готовых объективных знаний и приемов, а всякий раз рождение живого опыта в процессе обучения, куда личностно вовлечены и ученик, и учитель, вовлечены не как функции и роли, а как персональные носители уникального жизненно-профессионального опыта, в котором сплавлено многое — теоретические предпочтения и философские интуиции, темперамент и коммуникативный стиль, ремесло и судьба. Сам образовательный процесс является и главным стимулом теоретической рефлексии практики в психотехнической системе, и опытно-экспериментальным полигоном, и незаменимым исследовательским методом.

Итак, психотехническая система является «органическим» синтезом психологической теории, практики и образования, в котором синергия этих трех главных органов только и способна решать задачи познания, действия и трансляции опыта.

Объект и предмет

В приведенной выше формулировке общей цели работы сказано о построении психотехнической системы «психотерапевтической помощи». Пояснить эту часть формулировки — значит охарактеризовать объект и предмет исследования.

Объектом его является практика психологического консультирования (психотерапии, психологической помощи). В исходной точке исследования эти выражения нами отождествляются¹, поскольку их строгое понятие (а не интуитивно-эмпирическое) различие должно опираться на целый комплекс теоретических конструкций и не может быть предпослано необходимой концептуальной работе.

Предмет исследования формируется с помощью систематической методологической «огранки» объекта исследования. Для этого объект последовательно помещается в разнообразные контексты, где относительно него ставятся различные вопросы, для ответа на которые привлекаются или создаются теоретико-методологические и теоретико-методические схемы, в результате чего и происходит прорисовка граней предмета исследования.

а) **Социокультурный контекст.** Психологическая помощь рассматривается как одна из социокультурных практик в со- и противопоставлении медицине, педагогике, религии и т.д.; ставится вопрос о специфике этой практики по параметрам «целей и ценности», «измерения человеческого бытия», к которому апеллирует данная практика, «продуктивного процесса», «проблемных ситуаций-поводов» данной социальной практики и пр.

Каждое направление в психотерапии по-своему отвечает на этот вопрос, отличая себя, во-первых, от смежных видов профессиональной деятельности, а во-вторых, от других направлений психотерапии. Для определения специфики понимающей психотерапии как практики используется категориальный аппарат психологической теории переживания [4; 12; 13] и, прежде всего, описание проблемных ситуаций, с которыми приходится иметь дело психологу-психотерапевту как «критических». В результате первой конкретизации предмета исследования он предстает перед нами как *специфическая социокультурная практика психологической помощи в критических жизненных ситуациях*.

б) **Теоретико-методологический контекст.** В этом контексте ставится два вопроса. Первый вопрос — теоретический: какова центральная научная категория, которая со стороны теории описывает основной предмет научного интереса, а со стороны метода — основной механизм эффективности данного вида психотерапии? Ответом на первый вопрос служит категория переживания, понимаемая как внутренняя

¹Понятия «психотерапия» и «психологическое консультирование» обычно принято различать, хотя существуют серьезные аргументы и для их отождествления [30, с. 11].

деятельность, направленная на преодоление критических жизненных ситуаций [4].

Второй вопрос — методологический: какой тип научной теории адекватен для данного объекта исследования? Ответ и здесь однозначен — по методологическому типу это может быть только психотехническая теория в том понимании, которое придал этому термину Л.С. Выготский [20; 28; 29; 9]. Таким образом, в теоретико-методологическом контексте предмет исследования определяется как «*психотехническая теория переживания*». Важнейший признак психотехнического подхода — участная позиция исследователя, его деятельностьная включенность в сам исследуемый предмет. Если активность клиента в психотерапевтическом процессе рассматривается как деятельность переживания, то встречной активности психолога-консультанта, которая включается с ней в отношения сотрудничества, давая возможность раскрыться и прорасти продуктивным, творческим линиям переживания, уместно дать имя «психотерапевтического сопереживания». С учетом этого дополнения предмет исследования может быть обозначен как «*психотехническая теория переживания-сопереживания*».

в) **Контекст метода.** Психотехнический характер теории остался бы простой декларацией, если бы не удалось на методическом уровне выделить конкретные «*единицы анализа*», каждая из которых состояла бы из двух «нераздельно, но и неслиянно» связанных между собой процессов; одного, относящегося к полюсу пациента, и другого, относящегося к полюсу психотерапевта. В работе «Уровни построения переживания и методы психологической помощи» [6] были описаны четыре такие базовые единицы («рефлексия — майевтика», «непосредственное переживание — эмпатия», «сознание — кларификация, «бессознательное — интерпретация»). Каждая из этих единиц включает в себя тот или иной акт сознания пациента, с одной стороны, и действие терапевта, с другой, взятые в их единстве и взаимоутверждении. Так, например, конкретное чувство пациента не может стать диалогической реальностью психотерапевтического процесса без ответного эмпатического отклика со стороны терапевта, а случайная ошибка пациента не сможет «узнать», что в действительности было бессознательным актом, без интерпретации терапевта. «Методические» полюса этих психотехнических единиц — эмпатия, кларификация, майевтика, интерпретация — могут быть отнесены к категории «герменевтических» процедур в том значении герменевтики, по которому она есть не просто истолкование текстов, но «свершение бытия» (М. Хайдеггер), а точнее — свершение со-бытия. Таким образом, третья конкретизация, проведенная в методическом контексте, позволяет дать предмету исследования еще одно определение, которое и было выделено в качестве имени всей системы, — «*Понимающая психотерапия*».

Методологический смысл

Прежде чем обратиться к описанию блоков и

элементов понимающей психотерапии как психотехнической системы, важно указать на общую методологическую сверхзадачу отечественной психологии, в контексте которой данное исследование обретает свой смысл.

Эта сверхзадача состоит в реализации методологической программы Л.С. Выготского. Из всех достижений отечественной психологической мысли именно культурно-историческая теория оказалась наиболее плодотворной, не теряющей своей актуальности уже в течение восьмидесяти лет, и, более того, обладающей удивительным качеством быть все время впереди самых современных исследований, создавая зону ближайшего развития не только отечественной, но и мировой психологии (что показывает неуклонно растущий авторитет Л.С. Выготского на Западе). Сердцевина же упомянутой методологической программы состоит в превращении психологии в психотехническую дисциплину [20].

Хотя время выдвигает уже следующие, «постпсихотехнические» задачи [о критике психотехнического разума см. 38], но психология не может перескочить через эту психотехническую главу своей истории, она должна быть написана и осуществлена.

Л.С. Выготский уверенно прогнозировал, что краеугольным камнем психологической науки станет социальная практика. Реальная история развития психологии в целом подтверждает этот прогноз, но требует внести в него существенное уточнение характера этой практики. Оно связано с важным различием *практической психологии и психологической практики* [9]. Практическая психология — это участие психологии в педагогической, медицинской, военной и прочих сферах социальной жизни. В собственно психологической же практике психолог сам выступает как ответственный исполнитель самостоятельной жизненно и культурно значимой работы. Здесь нет взаимоисключающей альтернативы — либо «чужая» практика, либо «своя», либо практическая психология, либо психологическая практика. Психология давно включается во все сферы социальной и культурной жизни и везде получает импульсы для своего развития. Но формирование психологической практики как самостоятельной сферы остается самым важным событием последнего, уже 20-летнего периода ее новейшей истории. Эта сфера даже если количественно и не является доминирующей (по числу занятых специалистов, по количеству публикаций, по финансовым потокам и по другим критериям), то качественно составляет заветную зону, «святая святых» психологии, ее собственный методологический дом, как раз то, что Л.С. Выготский и выражал метафорой «краеугольного камня» [20].

Именно собственная психологическая практика может полноценно выявить потенциал, заложенный в методологическом генотипе отечественной психологии, дать ей по-настоящему осуществить себя, и в то же время как раз она, собственная практика, занимает пока ничтожное место в теоретических и методических разработках по сравнению с практикой педагогической

и медицинской, которым отечественная психология служит верой и правдой.

Психотерапия (психологическое консультирование, психологическая помощь) является как раз такой областью, где психолог берет на себя всю полноту личной и цеховой ответственности за профессиональную деятельность. Он стоит здесь один на один с реальностью жизни обратившегося за помощью человека, семьи или организации, ему не на кого сослаться, не с кем разделить ответственность, все его научные знания и методы в сплаве с личным опытом проходят настоящую проверку реальностью. Может быть, как раз поэтому из всех областей практики именно психотерапия за прошедшее столетие дала больше всего блестящих имен, влияние которых распространяется далеко за пределы психологии как частной профессии и обнаруживается во всех областях современной культуры — от искусства до менеджмента.

Исходя из этих соображений, методологический смысл предпринятой попытки построения понимающей психотерапии как психотехнической системы и состоит:

во-первых, в выявлении и реализации потенциала отечественной психологической традиции;

во-вторых, в демонстрации ее теоретической и практической «конкурентоспособности» в такой особой области, как психотерапия, являвшейся законодательницей мод психологической мысли XX века;

в-третьих, в преодолении еще не изжитого изоляционизма отечественной традиции. Одно дело — критиковать идеи психоанализа или бихевиоральной терапии с теоретических позиций или использовать их методы в практике, пытаясь перетолковать их в рамках своей психологической теории, и совсем другое — создать комплексную психотехническую систему, получив возможность вступить с этими школами в равновесный методологический диалог на всех уровнях — от философско-антропологического до операционно-технического.

Последнее. Благодаря созданию такого типа психотехнических систем, как понимающая психотерапия, отечественная общая психология не только выявляет, удостоверяет и развивает свой практический потенциал, она обретает в психотерапии область, насыщенную «месторождениями» общепсихологических идей, разработка которых стоицей окупит все затраты по протягиванию дорог и коммуникаций между общей психологией и психотерапией. В пределе психотерапия должна стать для общей психологии не «смежной дисциплиной», не «областью приложения», не «экспериментальной площадкой», а самобытной ее отраслью, важнейшим общепсихологическим методом.

Композиция исследования

Построение психотехнической системы понимающей психотерапии предполагает решение ряда задач, относящихся к разным планам.

1. Философско-методологический план

Философско-методологический анализ как глобальных тенденций развития мировой психотерапии, так и последних тенденций развития отечественной психологии, в особенности — конкретизация «психотехнического подхода» Л.С. Выготского применительно к современной ситуации.

2. Общепсихологический план

Создание комплекса общепсихологических концептуальных схем, необходимых для построения психотехнической системы. В частности — разработка теоретических представлений о переживании, а также об уровнях, регистрах и структурах сознания.

3. План теории психотерапии

Разработка представлений о специфике психотерапии как культурной практики. Теоретический анализ структуры терапевтической ситуации. Разработка «психотехнических единиц» психотерапевтического процесса.

4. План психотерапевтической техники

Разработка техники психотерапевтической работы на разных уровнях — приема, комбинации приемов, терапевтических методик.

5. План психотерапевтической дидактики

Разработка общих принципов психотехнического обучения. Создание учебной программы по понимающей психотерапии, реализующей развиваемую психотехническую систему на дидактическом уровне.

Одни из перечисленных задач уже частично решены, и ниже будут предложены тезисы этих решений, другие — только сформулированы, и эти формулировки тоже будут изложены. Таким образом, основной текст данной статьи представляет собой автореферат большой и не завершённой еще работы, задуманной как диссертационное исследование. Отсюда и характерные для жанра особенности — инвентаризация всех идей, вовлекаемых в теоретическое строительство, обильное самоцитирование и ссылки на собственные публикации, попытка максимально сжать текст, заботясь не о деталях, а о том, чтобы дать читателю возможность обзора общей композиции понимающей психотерапии как психотехнической системы.

1. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПСИХОТЕХНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Общий замысел исследования — построение каркаса психотехнической системы понимающей психотерапии. По отношению к этому замыслу задача первой части работы состоит в том, чтобы описать социокультурный и историко-психологический контекст, в котором рождается понимающая психотерапия. Появление последней мыслится автором не в рамках модернистской идеологии «проекта», то есть целенаправленной акции, нарочито выставяющей свою произвольность и историческую необязательность, а,

напротив, в парадигме «рефлексивного традиционализма» [1], как попытка сознательного продолжения и развития избранной научной традиции. Работа над исследованием пришлась на «эпоху перемен», когда «традиционализм» не в чести, и именно поэтому так важно подчеркнуть, что внутренняя необходимость исследования, его научное оправдание виделось в попытке исполнения исторического задания отечественной психологической традиции, и прежде всего той ее ветви, которую именуют линией «Л.С. Выготский — А.Н. Леонтьев».

§ 1.1. От психологической практики к психотехнической теории²

Радикальные изменения, начавшиеся в отечественной психологии в 1980-е годы, потребовали специального методологического анализа. Появление в эти годы первых психологических служб знаменовало собой рождение *самостоятельной психологической практики*. Историческое значение этого события трудно переоценить: психология обретает в психологических службах свое *тело*, эти службы для психологии — то же, что школа для педагогики, церковь для религии, клиника для медицины.

«Психологическая практика» и «практическая психология»

Как уже говорилось выше, необходимо различать понятия «практическая психология» и «психологическая практика». «Практическая психология» есть участие психологии в «чужой» социальной практике. Каждая из этих практик дает свое «ведомственное» имя соответствующему разделу психологии (медицинская психология, педагогическая, спортивная и т.д.). В каждой из этих сфер социальной практики психологии извне диктуются конечные цели и задачи, ценности и критерии, задаются априорные психологическому опыту категории, определяется ограниченная зона профессиональных прав и профессиональной ответственности. В результате складывается тенденция к отчуждению психолога от собственно психологического мышления.

Психологическая теория и практика

Для отечественной психологии отношения с практикой (всегда *чужой*, ибо *своей* у психологии не было) являлись отношениями «внешнеполитическими» и определялись принципом внедрения. С позиций же практики психология в этих отношениях расценивалась как всего лишь источник небезопасных (но и необязательных) рецептов, а не самоценная область мысли и ответственного действия³.

Таблица 1. Сравнение психотехнической и академической теорий

Аспект познания	Академическая теория	Психотехническая теория
Философия и методология	Гносеологизм, натурализм	Философия практики
Ценности	Внешние по отношению к познанию	Имманентны процессу познания
Адресат	Академический психолог или специалист другой профессии	Психолог-практик
Субъект познания	Нейтральный, отстраненный наблюдатель	Заинтересованный, участный. «Совокупный» субъект
Контакт исследователя и исследуемого	Минимизированный, стандартизированный, эмоционально-нейтральный	Интенсивный, уникальный, эмоциональный. Объединяет, включает в себя субъектов психотехнической ситуации
Процесс и процедуры исследования	Жесткие, неизменные в пределах данного опыта программы процедур	Гибкие, уникальные процедуры, тонко реагирующие на текущую ситуацию опыта
Типы знания, циркулирующие в исследовании	Знание только «объективное», персонифицированное, в третьем лице — о «них». Знание, слово испытуемого о себе — лишь один из фактов для «объективного» анализа	Обязательное присутствие в исследовании знания внутреннего, личностного, смыслового. Это знание «о тебе», «о себе», «о нас», в то же время знание «твое», «мое», «наше»
Предмет и метод	Метод выделяет предмет из реальности и представляет его в «форме объекта», наблюдаемого извне	Метод объединяет участников психотехнической ситуации и сам становится предметом исследования
Центральный предмет исследования	К центральному предмету подбирается адекватный метод исследования	К эффективному практическому методу подбирается центральный предмет, для которого тот же практический метод одновременно является оптимальным исследовательским методом ⁴

²Василиук Ф. Е. От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15–32. Здесь и далее мы будем указывать публикации, по которым можно ознакомиться с содержанием параграфом в полном виде.

Появление собственно психологической практики меняет отношения таким образом, что психология оказывается не просто «наукой», а дисциплиной, включающей в свою внутреннюю структуру и «науку», и «практику», причем практика становится первичным, системообразующим элементом, требующим нового типа теории. Базовой методологической установкой психологии должна стать «философия практики», или «методология психотехники» [20].

Академическая и психотехническая теория

Психологическую теорию, основанную на философии практики, можно обозначить как «психотехническую». Ее эпистемология значительно отличается от эпистемологии традиционной, «академической», а точнее сказать, натуралистической психологической теории. В табл. 1 представлены результаты сравнительного анализа двух различных типов познания: «естественно-научного» и «психотехнического», характерных для этих двух типов концепций.

§ 1.2. Методологический смысл психологического схизиса⁵

Массовое распространение психологических услуг, возникновение самостоятельной психологической практики создало необходимые условия для методологического преобразования психологии. Однако условия автоматически не превращаются в результат, более того, история мстит за неиспользованные возможности: к середине 1990-х годов стал очевиден схизис нашей психологии, расщепление ее на две мало общающиеся между собой суверенные республики с разными ведущими центрами, авторитетами, способами экономического существования, разными системами образования и каналами общения с зарубежными коллегами. Подобный схизис — не уникальная национальная особенность, он характерен для всех стран с развитой психологией, наша особенность состоит как раз в том, что у отечественной психологической традиции благодаря ее психотехнической закваске имеется шанс не допустить тотального раскола и создать хотя бы «опытные образцы» систем, в которых реализуется принцип философии практики и раскрывается не только практический потенциал общепсихологической теории, но, главное — теоретический, общепсихологический потенциал психологической практики.

Психология может рассчитывать на собственное исцеление, только если сумеет создать формы профессионального действия и мышления, соответствующие

человеку как целостному существу. В каких контекстах не происходит редукции целостного феномена «человек» к одному из частных его аспектов — органу, функции, организму, механизму, социальному атому или роли? «Сознание — практика — культура» — такова тройная формула контекста, задающего человеческую целостность.

Нередуцирующее исследование этой целостности невозможно в пределах «философии гносеологизма», а требует «философии практики», в соответствии с которой исследователь занимает участвующую позицию в бытии, превращая свою практическую деятельность по отношению к *Другому* в предмет и метод познания. Применительно к психологии философия практики есть методология психотехники, в которой предметом исследования становится не психика, не сознание, а работа-с-сознанием. Например, психотехническая по сути концепция поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина [21] есть не теория мышления, не теория умственных действий, а теория **формирования** умственных действий, то есть, обобщенно говоря, не теория психики как натурального объекта, а теория работы с психикой.

Методологический анализ развития идеи «психотехники» показывает, что уже первичная ее форма, мыслившаяся Г. Мюнстербергом [26] как прикладная психология, состояла из трех структурных блоков (предмета — метода — области приложения), которые заполнялись связкой трех категорий (сознания — практики — культуры)⁶, то есть как раз тех, которыми конституируется феномен «человек». Для того чтобы эта категориальная схема психотехнического подхода могла вполне проявиться, выкристаллизоваться в сложном историческом процессе развития науки и стать парадигмой новой психологии, понадобились теоретические прорывы выдающихся мыслителей. З. Фрейд и Л.С. Выготский на конкретном исследовательском материале принципиально реформировали классическое понимание категорий сознания и практики.

З. Фрейд в психоаналитическом учении разработал центральный блок общей схемы — категорию *практики*. Он осмыслил терапевтическую практику как метод исследования, и сама практика была осмыслена как опосредствованная сознанием и культурой. Благодаря этому З. Фрейд дал первый образец психотехнической системы. Л.С. Выготский в культурно-исторической психологии развил такую теоретико-методологическую трактовку категории *сознания*, которая включила в ее внутреннюю структуру

³Профессиональное бытие психолога в клинике, школе, на заводе, в армии проходит под знаком *необязательности*. Отсутствие психолога не критично для основного процесса чужой практики. Трудно представить забастовку профессиональных психологов — больница спокойно продолжит лечить, школа — учить, завод — производить, армия — воевать. Иное дело, например, телефон доверия — без психологов его можно просто закрывать.

⁴Соотношение «анализа» как метода и «бессознательного» как центрального предмета отвечает такому методологическому условию, что делает психоанализ психотехнической системой в отличие, например, от бихевиоральной терапии, вполне эффективные методы которой совершенно не способны сколько-нибудь полноценно выполнять функцию исследовательской процедуры для центрального предмета — «оперантного рефлекса».

⁵Василук Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1995б. № 6. С. 25–40.

⁶По Г. Мюнстербергу [26], предмет психотехники — сознание, ее метод — практика, область приложения психотехники — культура.

категории культуры и практики, благодаря чему удалось создать принципиально новый (психотехнический) тип психологического эксперимента. В соответствии с этой логикой наиболее актуальной задачей, замыкающей создание психотехнического подхода, является формирование категории *культуры* с психотехнической точки зрения.

Контуры новой психологии, которая на наших глазах завершает период своего становления, уже достаточно четко обозначились. Не отказываясь от задач объяснения, она выдвигает на первый план категорию сознания и потому становится *феноменологической* и *диалогической*, то есть **понимающей психологией**, способной профессионально относиться к предмету исследования не только как объекту, но и как к смысловому целому и как к живому Ты. Не отменяя своих познавательных задач, она становится, прежде всего, **деятельной**, изменяющей психологией, ставящей психологическую практику во главу угла не только своего социального функционирования, но и своей исследовательской методологии. Не отбрасывая своих почтенных естественно-научных традиций, она становится, наконец, и полноценной культурологической, **гуманитарной** дисциплиной, способной понимать человека в культуре и культуру в человеке и взаимодействовать с ним с учетом этого понимания.

Итак, в рождающейся психологии выделяются три магистральных и взаимосвязанных подхода: категории практики соответствует «деятельный» подход, категории сознания — понимающий подход, категории культуры — гуманитарный подход. Следовательно, новая психология есть психология **понимающая — деятельная — гуманитарная**.

§ 1.3. История психотерапевтических упований⁷

Важнейшим методологическим выбором для всякой психотехнической системы является определение того опорного психологического процесса, на который возлагаются основные надежды в плане практического метода. Каждый психотерапевтический подход должен «дать отчет о своем уповании», то есть указать на тот продуктивный процесс на полюсе клиента (пациента), который и обеспечивает в конечном счете психотерапевтический эффект.

В самом деле, подобно врачу, который знает, что не само лекарство излечит больного, оно лишь вызовет в организме целительный процесс, подобно педагогу, который полагает, что не сами объяснения учителя, а встречный акт понимания со стороны ученика приведет к освоению знания, подобно им и психотерапевт не рассчитывает, что его терапевтические интервенции сами собой приведут к разрешению проблем клиента. Психотерапевтический метод не может мыслиться как набор однонаправленных воздействий, производящих нужный результат без и помимо некой активности со стороны пациента. Напротив, метод только на то и направлен, чтобы создавать условия для запуска этой активности, стимулировать ее, поддерживать, фасилитировать и т.д. Метод в этом смысле

уповает не на себя, а на некую специфическую активность пациента. Разумеется, сам психотерапевтический метод существенно зависит от того, на какую именно активность, какой психологический процесс клиента он полагается. Для обозначения этого процесса в структуре психотерапевтического подхода стоит ввести специальный методологический термин — «упование».

На каком психологическом процессе останавливает свой выбор метод понимающей психотерапии? Чтобы ответить на этот вопрос не произвольным решением, а систематически и осознанно, необходимо провести методологический анализ истории психотерапевтических упований.

В дофрейдовский период доминирующим методом в психотерапии был гипноз. Предполагалось, что, как и в соматической медицине, врач является безусловным и единственным авторитетом, именно он знает, что пациенту нужно делать, думать и чувствовать, чтобы избавиться от страдания. С помощью гипноза врач внушает пациенту целительные состояния, успех лечения зависит преимущественно от «силы» врача, но отчасти и от того, сможет ли пациент проявить достаточную гипнабельность и внушаемость. Из этих двух механизмов главный — **внушаемость**; он то и обеспечивает в конечном итоге терапевтический результат.

Роль собственной активности пациента, таким образом, не просто минимизировалась — терапевтически ценной признавалась его пассивность. Тем вероятнее благоприятный результат лечения, чем больше пациент обнаружит пассивности во всех психологических аспектах — послушания со стороны сознания («доктор знает, что мне нужно»), подчиненности поведения воле врача и доверчивой восприимчивости по отношению к внушаемым чувствам («доктор сказал, что все будет хорошо и надо радоваться»).

По сравнению с этим «рабским» образом пациента в классической суггестивной психотерапии вся последующая история психотерапии выглядит как история все большего высвобождения личности и задействования внутренних сил и активности пациента в терапевтическом процессе.

В первой версии современной психотерапии, психоанализе З. Фрейда, главная терапевтическая надежда возлагалась на процесс **осознания**, который на место Оно приводит Я и тем освобождает человека от диктата слепых бессознательных сил. Это упование на философском уровне может быть осмыслено как *свобода сознания*.

Вскоре появилась и другая альтернатива старой суггестивной психотерапии и одновременно альтернатива самому психоанализу. Психодрама Дж. Морено увидела целительные источники психотерапии не столько в процессе осознания, сколько в высвобождении человеческого действия, выражения, самопроявления, то есть в том, что скорее может быть отнесено к области *свободы*

⁷Василук Ф.Е. Историко-методологический анализ психотерапевтических упований // В кн. Василук Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Смысл, 2003. С. 21–55.

воли. Психотерапевтическим упованием становится акт спонтанности. Именно пробуждению **спонтанности** должен быть посвящен психотерапевтический процесс, а уж затем спонтанность сделает свое дело.

В послевоенный период развития психотерапии на историческую сцену выходят еще две теоретические «силы», и на знаменах каждой написано свое психотерапевтическое упование — речь о механизме **научения** в бихевиоральной терапии и процессе **переживания** в гуманистической психотерапии.

С историко-методологической точки зрения, бихевиоральная терапия (как и весь бихевиоризм в целом) разворачивает свое мышление и практику в поле категории действия [34], и в этом отношении исторически «рифмуется» с психодрамой, но и только в этом. Бихевиоризм — методологический гибрид, соединяющий в себе упрощенный детерминизм классической психологии (то, что Д.Н. Узнадзе назвал «постулатом непосредственности») и вполне современное видение предмета психологии (о различии «классической» и «современной» психологии и месте бихевиоризма в переходе от классической к современной психологии см. работу автора «К проблеме единства общей психологии» — 5). Механистическая методология и антропология бихевиоризма предопределила то, что бихевиоральная терапия по ряду оснований примыкает к старой, суггестивной психотерапии. А именно, правильные адаптивные реакции пациента, которые являются целью бихевиоральной терапии, не порождаются свободой и развитием самого человека, содержание и форма этих реакций извне, терапевтом, и с помощью «подкреплений» имплантируются в поведение пациента. Механизм этой имплантации и есть процесс научения, именно благодаря научению пациент переходит от дезадаптивного к адаптивному поведению. **Научение**, следовательно, является главным упованием бихевиоральной психотерапии⁸.

В новейшей психотерапии, отсчет которой можно вести со второй половины XX века, происходит еще один радикальный сдвиг психотерапевтических упований — к процессам **переживания** пациента. В этом пункте сходятся все психотерапевтические школы, которые обычно относят к гуманистическому направлению. Хотя в каждой из школ гуманистической психотерапии *переживание* понимается по-разному, но все же можно выявить ряд общих для большинства школ существенных черт понятия переживания, которые превращают его в надшкольную категорию. Это — *холистичность* (процесс переживания охватывает всего человека — ум, чувства, телесные реакции), *субъективность* (переживание есть реальность, удостоверяющая сама себя), *органичность* (несделанность, произвольность переживания и в связи с этим признаваемая за ним способность являть подлинный, *аутентичный опыт*)⁹.

Понимающая психотерапия также избирает в качестве своего главного психотерапевтического упования процесс переживания. Понимающая психотерапия тем самым следует руслу экзистенциально-гуманистического направления, рассматривая две школы этого направления в качестве своих истоков — личностно-центрированную психотерапию К. Роджерса и логотерапию В. Франкла. Однако понимающая психотерапия не занимает готовую категорию переживания из экзистенциально-гуманистической психологии, а разрабатывает ее в лоне собственной общепсихологической традиции, а именно школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева. Две главные идеи, которые вносятся в развитие категории переживания в рамках этой школы — это разработка представлений о культурной, *знаково-символической опосредованности* переживания (Выготский, 1916; Васильюк, 1984) и о *продуктивности процесса переживания*: процесс переживания не сводится к испытыванию состояний, но производит внутренние психологические преобразования. Процесс переживания, таким образом, мыслится в культурно-деятельностной психологии как особая внутренняя деятельность личности, опосредованная знаково-символическими средствами и направленная на смысловое обогащение бытия.

Эти сопоставления дают возможность более точно определения «географических» координат понимающей психотерапии на карте современной психологии. С учетом того, что ее психологическим ядром является теория переживания, понимающую психотерапию можно локализовать в точке, где отечественная психологическая традиция культурно-исторической психологии встречается с экзистенциально-гуманистической линией развития психологии и психотерапии.

Каково значение концептов и идей, представленных в данной части работы, для создаваемой системы понимающей психотерапии?

В трех параграфах этой главы изображены динамичные картины трех историко-научных контекстов:

- а) злободневная ситуация в отечественной психологии;
- б) исторические узлы развития психотехнической методологии в мировой психологии;
- в) история смены категориальных вех в психотерапии XIX—XX столетий.

Задача этих параграфов — не описание истории психологии и психотерапии, а выявление *логики истории*, прислушивание к разворачивающемуся глубинному сюжету, который задает смысл и направление следующих актов развития психологии.

⁸ Разумеется, ни бихевиоризм, ни бихевиоральная терапия не исчерпываются механистическими версиями, но и в более развитых в методологическом отношении вариантах научение остается основным упованием.

⁹ На этом процесс развития психотерапии, разумеется, не заканчивается, и можно прогнозировать, что основные ветви исторических путей психотерапии в первые десятилетия XXI века будут переплетаться, с одной стороны, с разными духовными традициями, а с другой стороны, с искусством, что, конечно же, предполагает появление новых психотерапевтических упований [18].

В этих контекстах можно расслышать следующие призывы и задания. Во-первых, актуальность для отечественной психологии создания психотехнических систем, отвечающих описанным в § 1.1 параметрам.

Во-вторых, из § 1.3 следует, что выстраивание психотерапевтической теории вокруг категории переживания отвечает современным тенденциям мировой психотерапии.

В-третьих, определение узловых категорий психотехнической методологии (Сознание — Практика — Культура) (§ 1.2) ставит перед нашим исследованием вполне конкретные задачи.

В соответствии с категорией **сознания** — задачу развития таких общепсихологических представлений о сознании, которые могли бы быть непосредственно включены в теорию и практику психотерапии. Решению этой задачи будет посвящен § 2.3 во второй части работы.

В соответствии с категорией **практики** — задачу разработки конкретной психотерапевтической техники, реализующей теорию сознания и переживания и дающей новые импульсы для развития этой теории. Решению данной задачи будет посвящен § 4.1 данной статьи.

В соответствии с категорией **культуры** формулируется задача разработки культурно-специфических моделей психотерапии, задача, решение которой выходит за пределы данной работы, но которая является наиболее перспективной для развития психотерапии. Подготовительные материалы к теоретическому продвижению в этом направлении опубликованы автором в отдельных работах [15; 16; 18].

2. ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОТЕХНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОНИМАЮЩЕЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Главный нерв психотехнической методологии, по мысли Л.С. Выготского, состоит в том, чтобы психологическая практика стала не только «полезной», но и теоретически плодотворной, практический метод должен приносить исследовательскую «прибыль». Но не всякая практика может быть орудием научного познания; чтобы она обрела эту способность, в нее предварительно нужно сделать теоретические, общепсихологические инвестиции. Глубже: практический метод должен быть рожден из теории, чтобы в своем технологическом развитии и эмпирической реализации, он «не забывал родства» с наукой, в самом своем устройстве нес потребность и способность к познанию, по наследству полученные от материнской теории.

Применительно к задачам психотехнического построения понимающей психотерапии это означает, что в «культурно-деятельностной» психологии Выготского — Леонтьева нужно выделить и развить такой ряд теоретических идей, которые во взаимоотношениях с психотерапией как практикой могут выполнять две следующие функции.

Во-первых, идеи и частные теории должны быть заинтересованы в психотерапии как уникальном исследовательском методе разработки богатейших месторождений психологической фактологии и сами стать достаточно емкими, гибкими и открытыми, чтобы можно было эти эмпирические богатства принять и теоретически ассимилировать. Например, ниже речь пойдет о психологии переживания как одной из важнейших частных теорий, составляющих общепсихологический фундамент понимающей психотерапии. Если бы теория переживания преследовала исключительно научно-исследовательские цели, совершенно не помышляя о прикладных, то и в этом случае ей стоило бы обратиться к психотерапии как познавательному методу, потому что для конкретного эмпирического изучения работы переживания, работы совладания человека с критическими ситуациями лучше материала и методов, чем дает психотерапия, трудно отыскать.

Во-вторых, эти инвестируемые в психотехническую систему теоретические идеи, концепты и схемы должны служить общепсихологической базой для построения конкретной психотерапевтической теории, теории «инженерного» типа, которая, в свою очередь, является основой для конкретных технологических разработок психотерапевтических методов.

В задачу данной главы и входит описание таких общепсихологических схем и частных теорий, развиваемых в русле культурно-деятельностной психологии, которые образуют общепсихологический каркас понимающей психотерапии как психотехнической системы.

§ 2.1. К проблеме единства общепсихологической теории

Каков общепсихологический фундамент, на котором строится понимающая психотерапия? Если она претендует на методологический статус психотехнической системы, это означает, в частности, что она берет на себя исследовательские общепсихологические обязательства. В связи с этим важно определиться, какова та общая психология, которой эта система готова и способна послужить. Но дело, конечно, не так обстоит, что можно оглядеться вокруг и найти готовую, идеально подходящую для этого общую психологию, — необходимо деятельное участие в ее создании.

Первым шагом на пути к искомой общей психологии является описываемая в данном параграфе попытка методологического синтеза наиболее представительных общепсихологических теорий, выросших в русле отечественной психологической традиции. Методологический анализ теории деятельности А.Н. Леонтьева, теории отношений В.Н. Мясищева и теории установки Д.Н. Узнадзе показывает, что каждая из них, преодолевая постулаты классической психологии, рассматривала психику в рамках онтологической картины «жизнь-человека-в-мире». При выборе основной «единицы анализа» и формировании центральной категории каждая из теорий акцентировала один аспект этой онтологии. Теории и категории деятельности, отношений и установки, несмотря на то что

Таблица 2. Категориальная типология психологических единиц человеческой жизни

Жизнь человека в мире		Жизнь человека	
		Человек (как динамическая структура)	Жизнь (как актуальный процесс)
МИР	Предметный мир	1. Установка	2. Деятельность
	Мир людей	3. Отношение	4. Общение

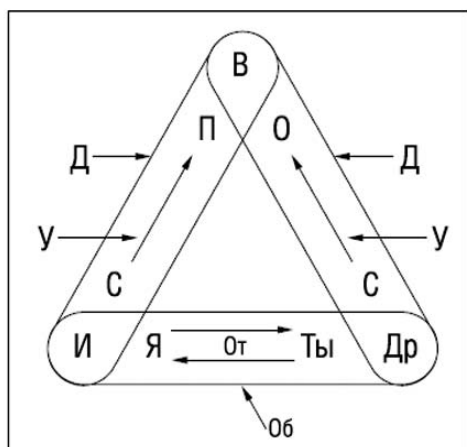
они нередко противопоставлялись друг другу, образуют вместе единую общепсихологическую систему. Система, объединившая эти три категории, тут же обнаруживает собственную не полноту, которая как некая «логическая нужда» требует еще одной категории, восполняющей целостность и завершающей весь синтез, — категории общения. Данная система может быть представлена в виде следующей типологической таблицы (см. табл. 2).

Эта схема позволяет увидеть не только историческое и логическое единство разработанных в отечественной психологической традиции вариантов общей психологии, но и тот, обычно затушеванный, однако чрезвычайно важный факт, что философским основанием наиболее продуктивных школ отечественной психологии была «онтология человеческой жизни». Заслуга философско-методологической разработки этой онтологии применительно к задачам психологии принадлежит С.Л. Рубинштейну [31; 5; 17].

Проведенный методологический синтез позволяет представить модель «целостной психологической единицы анализа жизненного мира человека» в виде следующей структуры, включающей в себя в качестве элементов основные категории-«единицы», разработанные в отечественной психологической традиции (рис. 1).

Одна из вершин треугольника символизирует индивида (И), вторая — вещь (В), третья — другого индивида (Др). Каждого индивида и вещь связывает деятельность (Д), в рамках которой индивид выступает как субъект (С), а вещь — как предмет (П) или объект (О). Вектор внутри тела деятельности, направленный от субъекта к предмету, символизирует установку (У). Двух индивидов связывает между собой общение (Об), в рамках которого

Рисунок 1. Модель «целостной психологической единицы анализа жизненного мира человека»

они выступают друг по отношению к другу как Ты и Я. Векторами между Я и Ты обозначены их отношения (От).

Для понимающей психотерапии эта модель имеет фундаментальное значение. Во-первых, антропологическое — она описывает специфическое для понимающей психотерапии видение пациента не сквозь призму категорий «болезни», «характера», «поведения», «мотивации» и пр., а как *уникальный жизненный мир*, анализа которого осуществляется с помощью представленной в схеме системы понятий. Во-вторых, данная модель выступает в качестве общепсихологической основы для характеристики структуры терапевтической ситуации.

2.2. Психология переживания

Разрабатываемая автором «психология переживания» [4; 7; 18] выступает как центральная, узловая «станция», через которую следуют логические маршруты «по всем направлениям», связывая между собой основные «населенные пункты» — значимые темы психотехнической системы понимающей психотерапии. В психологию переживания входят следующие ключевые элементы.

А. Категория переживания-деятельности. Выше речь уже шла о том, что процесс переживания является *психотерапевтическим упованием* понимающей психотерапии. Категория переживания-деятельности задает представление о переживании как работе, продуктивном процессе поиска и порождения смысла в критических ситуациях [4; 18].

Б. Типология критических ситуаций. Из существующих в психологической литературе описаний экстремальных жизненных ситуаций были выделены четыре ключевых термина: стресс, фрустрация, конфликт и кризис. Далее был дан методологический анализ этих терминов и они были включены в единую понятийную систему в качестве типологических вариантов общей категории «критическая ситуация» [3; 4; 13]. Приводим итоговую таблицу, фиксирующую понятийные дифференцировки в рамках этой системы (табл. 3).

В. Типология жизненных миров. В понятийный аппарат психологической теории деятельности вводится категория жизненного мира [4; 12]. Далее методом категориально-типологического анализа [22] строится следующая типология жизненных миров (табл. 4).

Г. Типология закономерностей переживания. На основе предыдущей типологии выделяются четыре типа переживания, подчиняющиеся разным закономерностям, — инфантильное переживание, реалистическое, ценностное и творческое.

Д. Сопоставление типологии жизненных миров и критических ситуаций. Сопоставление этих

Таблица 3. Типология критических ситуаций

Тип критической ситуации	Онтологическое поле	Тип активности	Внутренняя необходимость	Нормальные условия
Стресс	«Витальность»	Жизнедеятельность организма	Здесь-и-теперь удовлетворение	Непосредственная данность жизненных благ
Фрустрация	Отдельное жизненное отношение	Деятельность	Реализация мотива	Трудность
Конфликт	Внутренний мир	Сознание	Внутренняя согласованность	Сложность
Кризис	Жизнь как целое	Воля	Реализация жизненного замысла	Трудность и сложность

типологий позволяет получить важные для теории и практики психотерапии следствия, описывающие критические ситуации в каждом из жизненных миров. В инфантильном жизненном мире стресс феноменологически совпадает с кризисом, поскольку у инфантильного существа нет средств совладания со стрессом и любая локальная боль или неудовлетворенность перерастает в тотальную катастрофу. В реалистическом жизненном мире стресс появляется как самостоятельная категория, фрустрация же здесь совпадает с кризисом: единственное жизненное отношение в силу внутренней простоты этого мира составляет здесь «всю жизнь», поэтому невозможность реализации этого жизненного отношения (фрустрация) становится глобальным крушением всей жизни (кризис). В ценностном жизненном мире появляется специфический вид стресса, порождаемый сложностью, а не трудностью мира, фрустрации здесь отсутствуют, а всякий конфликт феноменологически совпадает с кризисом. В творческом жизненном мире обнаруживается полная дифференцировка всех типов критических ситуаций.

Эти теоретические выкладки позволяют сформулировать идею о том, что переживание может быть опосредовано переходом жизненного мира человека из одного состояния в другое. Сам такой переход, а не только предметно-смысловая переработка критической ситуации, меняет ее статус (например, казавшееся кризисом оборачивается *всею лишь* стрессом) и подключает к работе переживания дополнительные ресурсы. Этот вывод имеет большое значение для развития представлений о тактике понимающей психотерапии: усилия зачастую могут быть направлены не столько на проработку самой по себе критической ситуации, в которой оказался пациент, сколько на помощь ему осуществить выход в новое измерение более «высокого» жизненного мира, где ситуация будет преодолена силами этого мира.

Е. Сопоставление типологии переживаний и

типологии критических ситуаций. Сопоставительный анализ типов переживаний различных критических ситуаций приводит к принципиальной теоретической постановке проблемы «успешности» переживания, чрезвычайно важной для тактических задач нахождения оптимальной пропорции симптомо-ориентированной и лично-ориентированной установок в ходе работы с конкретным психотерапевтическим случаем.

Ж. Представление об опосредованности переживания культурными символическими орудиями. В различных символических формах кристаллизуется исторически накапливаемый опыт переживания типовых ситуаций; при подключении к этим формам процесс переживания, не теряя личностной уникальности, обретает дополнительную глубину и продуктивность [33; 19].

Весь этот корпус представлений о переживании создает общепсихологическую платформу для развития ключевых элементов теории, техники и дидактики понимающей психотерапии.

§ 2.3. Стратиграфия и структура сознания

Теория переживания, описанная в предыдущем параграфе, обеспечивает достаточное количество концептуальных средств для описания парадигматики процессов переживания, но задача описания синтагматики этих процессов (без которой консультативной практике не обойтись) требует дополнительных специальных разработок в области психологической теории сознания. Эти разработки относятся к двум измерениям проблемы сознания — стратиграфическому и структурному.

Под *стратиграфией сознания* мы понимаем теоретические модели, анализирующие слоистое строение сознания, особенности функционирования сознания в каждом из слоев и взаимодействие процессов сознания, относящихся к разным его слоям.

Под *структурным* аспектом проблемы в данном

Таблица 4. Типология жизненных миров

Жизненный мир	Внешний мир	
	легкий	трудный
Внутренний мир	простой	1. Инфантильный
	сложный	2. Реалистический
		3. Ценностный
		4. Творческий

Таблица 5. Типология уровней (режимов) функционирования сознания

Сознание		Внешний мир	
		Субъект	Объект
Наблюдатель	Субъект	Рефлексия (Р)	Сознание (С)
	Объект	Переживание (П)	Бессознательное (Б)

случае понимается выделение мельчайшей молекулярной единицы сознания, сохраняющей основные свойства целостного сознания, и анализ ее структуры. В качестве такой молекулы мы рассматриваем образ сознания.

Стратиграфия: уровни функционирования сознания

Первый шаг стратиграфического анализа сознания состоит во введении представления о четырех уровнях, на каждом из которых сознание функционирует особым образом, в особом режиме. Это уровни рефлексии, сознания, непосредственного переживания и бессознательного [6]. Названные уровни выделяются с помощью построения следующей типологии (табл. 5).

Типология исходит из первоначального различия во всяком феномене сознания двух фигур — *Наблюдателя* и *Наблюдаемого*. Каждая из них может находиться как в активном, субъектном состоянии, так и в пассивном, объектном. Произвольные психические процессы запоминания, восприятия, мышления и др., где Наблюдатель активен, а Наблюдаемое пассивно, относятся к уровню *сознания* (С). Уровень *непосредственного переживания* (П) наиболее ярко обнаруживает себя в грёзах, эмоциональных состояниях и чувствованиях, но присутствует во всех психических процессах, в том числе мышлении (например: «в голову неожиданно пришла мысль» — так описываемый феномен фиксирует активность Наблюдаемого при пассивности Наблюдателя). Феномены активного отношения к собственной психической активности репрезентируют уровень *рефлексии* (Р). И наконец, психические процессы, не прослеживаемые внутренним наблюдением (Наблюдатель и Наблюдаемое феноменологически пассивны), относятся к уровню *бессознательного* (Б).

Осуществление переживания-деятельности, как и всякой человеческой деятельности, опосредовано сознанием, причем всей системой сознания в целом, включающей названные четыре уровня функционирования. Эти представления позволили выдвинуть гипотезу о многоуровневом построении переживания по аналогии с теорией Н.А. Бернштейна [2] об уровне построения движения. Процесс переживания можно описать как протекающий по четырем связанным между собой каналам. В каждый момент можно выделить ведущий и фоновый уровни переживания.

Случаи, в которых ведущим в работе переживания

является уровень *бессознательного*, хорошо известны не только психотерапевтическому, но и художественному мышлению (например, у И. Бунина: «тайная работа души»). Когда внутренняя работа по преодолению критической ситуации осуществляется главным образом на уровне *непосредственного переживания*, она выступает в сознании в виде эмоционального проживания ситуации, «нюющих воспоминаний», ассоциативного кружения мышления вокруг болезненных тем и т.п. В момент такого переживания уровень *сознания* может быть занят совершенно другой целенаправленной работой, посредине которой человек вдруг *вспоминает* о мучающей его проблеме и начинает уже сознательно искать пути ее решения. Происходит сдвиг ведущего уровня работы переживания на режим сознания¹⁰. Когда попытки пережить критическую ситуацию на сознательном уровне (найти замещение утраченного объекта, например, или с помощью «взвешивания» альтернатив сделать выбор) терпят неудачу, ведущим уровнем процесса может становиться *рефлексия*. При этом субъект осознает свою деятельность переживания как таковую, рефлексивно переосмысливает ее условия, свои нормы и ценности, позиции и цели. Тем самым создается возможность для творческой переориентации направления и способа переживания.

Стратиграфия: регистры сознания

Данная четырехуровневая модель стратиграфии сознания позволяет достаточно точно описывать эмпирические процессы протекания переживания. Однако применение модели периодически приводит к парадоксам.

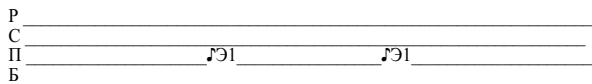
Например, в ходе рассказа пациента о своей жизненной ситуации у него два раза возникали выраженные, яркие эмоции. Если все феномены сознания, выявляемые этим рассказом, попытаться кодировать, записывая «мелодию» переживания на некоем подобии нотного стана, то нужно будет обе эмоции поставить на одной и той же линейке уровня непосредственного переживания (П), как показано на рис. 2.

Однако если эмоция Э1 воспроизводит старое неизжитое чувство, которое почти с прежней силой охватывает пациента, как только он погружается воспоминанием в былую ситуацию, а эмоция Э2 выражает его нынешнее отношение к тому старому чувству (скажем, сейчас стыдно, что тогда было страшно), то размещение их рядом, так сказать, через запятую, на одном уровне П выглядит противостоительным. Спору нет — и «стыдно», и «страшно» относятся к уровню П,

¹⁰Вот горькая поэтическая иллюстрация «сознательного» переживания: «У меня сегодня много дела: / Надо память до конца убить, / Надо, чтоб душа окаменела, / Надо снова научиться жить» (А. Ахматова «И упало каменное слово...»).

Рисунок 2. Запись «мелодии» переживания на четырехуровневой модели

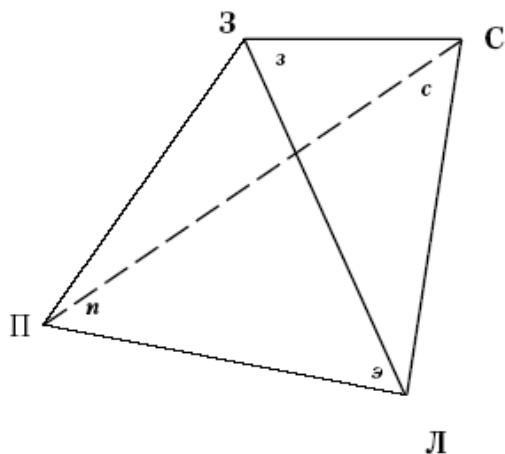

но при этом они явно принадлежат разным мирам, явно не рядоположны, явно иерархически не равнозначны, хотя бы и были одинаковы по интенсивности. Чтобы отделить их друг от друга, придется сделать неожиданное предположение, что в стратиграфической системе сознания присутствует не один, а несколько уровней непосредственного переживания. Или, обобщая, можно сказать, что в разворачивающемся процессе переживания один и тот же уровень сознания представлен многократно, причем феномены этого уровня могут быть актуализированы одновременно и вступать во взаимодействие друг с другом.

Для разрешения такого рода парадоксов мы предлагаем ввести представление о *регистрах сознания*. Каждый регистр сознания включает в себя совокупность описанных выше уровней сознания (как каждая музыкальная октава включает в себя одинаковую совокупность ступеней звукоряда). При протекании процесса переживания происходят переходы из одного регистра в другой и осуществляются взаимоотношения и взаимодействия разных актов сознания, относящихся к разным регистрам. Психотерапевтический опыт дает возможность описать разнообразные *типы переходов* между регистрами.

То, что со структурно-стратиграфической точки зрения есть регистр сознания, то с феноменологической точки зрения представляет собой отдельный жизненный мир и, соответственно, обладает своим пространством, временем, субъектом, предметным наполнением, языком, атмосферой и мифом. Множественности регистров сознания соответствует факт

Рис. 3. Психосемиотический тетраэдр — модель образа сознания

множественности жизненных миров, в которых феноменологически пребывает человек и его сознание. Когда пожилой человек вспоминает детство и перед его внутренним взором всплывают облако, озеро, башня, и круги идут по воде и доходят до края облака, отражающегося в озере, то его сознание пребывает в таком пространстве и подчиняется ритмам такого времени, которое вовсе не совпадает со временем и пространством его нынешнего жизненного положения и, обладая феноменологической реальностью, является особым жизненным миром, отличающимся от жизненных миров его взрослой жизни.

Анализ эмпирических случаев показывает, что для осуществления реального процесса переживания человек использует довольно сложные иерархические конструкции, состоящие из нескольких регистров. Регистры могут быть соподчинены друг другу, образуя «матрешечные» ряды, когда какой-то элемент одного регистра «расцветает» в самостоятельный жизненный мир, который, в свою очередь, порождает новые миры. Однако некоторые соседние регистры сознания могут не иметь иерархических отношений между собой, а находиться в равном положении, будучи одинаково подчинены вышестоящему регистру (например, две разные развернутые иллюстрации одной идеи). Для их описания вводится понятие *горизонта сознания*. Горизонт сознания, таким образом, есть «геометрическое место» регистров сознания, равноудаленных от одного иерархически более высокого регистра.

Итак, стратиграфическая модель сознания включает в себя следующие основные понятия: *уровень (или режим функционирования) сознания, регистр сознания, тип перехода между регистрами, горизонт сознания*.

Структура образа сознания

Что касается структурного аспекта анализа сознания, то в данной работе он представлен моделью образа сознания.

В ходе развития идей А.Н. Леонтьева [25] и В.П. Зинченко [23] об «образующих сознания» была разработана схема, в соответствии с которой в образе выделяются четыре «узла» — предмет, значение, личностный смысл и слово (знак) [11]. Каждый из них непосредственно связан с остальными, что можно графически изобразить объемной фигурой, получившей название «психосемиотический тетраэдр» (рис. 3). Внутренний объем тетраэдра заполнен чувственной тканью, которая приобретает специфические характеристики, приближаясь к каждому из углов. На рисунке: П — предметное содержание образа; л — чувственная ткань предметного содержания; Л — личностный смысл; э (эмоция) — чувственная ткань личностного смысла; З — значение; з — чувственная ткань значения; С — слово или знак; с — чувственная ткань слова (знака).

Итак, в § 2.3 описана структурно-стратиграфическая модель сознания. Продуктивность этой модели удостоверяется и в плане психотерапевтической теории, где она позволила разработать идею о «психотехнических

единицах», и в плане психотерапевтической техники, где она позволила конструировать методики для психотерапевтической работы с измененными состояниями сознания, и, наконец, в плане общепсихологическом, где с ее помощью удается добиться достаточно точных описаний эмпирических состояний и процессов сознания (например, переживания горя [8], «культуры образа» и ее этнокультурных особенностей [32], патологии образа при психических расстройствах [24]).

Подытожим также и результаты всего второго раздела, существенные для дальнейшего исследования. К ним относятся:

а) общепсихологическое обоснование онтологии жизненного мира, которое послужит онтологическим базисом системы понимающей психотерапии;

б) разработка категории переживания, которая выступит как основной «продуктивный процесс» в системе понимающей психотерапии;

в) разработка категории критической ситуации как базовой идеи для описания проблемных состояний клиента в системе понимающей психотерапии;

г) разработка модели структуры и стратиграфии сознания, существенной для создания техники понимающей психотерапии.

Продолжение в следующем номере

Литература

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. Бернштейн Н.А. О построении движений. — М.: Медгиз, 1947.
3. Василюк Ф.Е. Психологические аспекты разрешения критических травмирующих ситуаций // Социальные, гигиенические и организационные аспекты охраны здоровья населения. — Рига: Рижский медицинский институт, 1981. — С. 84–90.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания. — М.: Изд-во МГУ, 1984.
5. Василюк Ф.Е. К проблеме единства общей психологии // Вопросы философии. 1986. № 10. — С. 76–86.
6. Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии. 1988. № 5. — С. 27–37.
7. Василюк Ф.Е. Психотехника переживания: Учебное пособие. — М.: Ахилл, 1991а.
8. Василюк Ф.Е. Пережить горе // О человеческом в человеке. — М.: Политиздат, 1991б. — С. 230–247.
9. Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Московск. психотерапевт. журн. 1992а. № 1. — С. 15–32.
10. Василюк Ф.Е. Режиссерская постановка симптома (психотерапевтическая методика) // Московский психотерапевтический журнал 1992б. № 2. — С.105–144.
11. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. — С. 5–19.
12. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995а. Т. 16, № 3. — С. 90–101.
13. Василюк Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 1995б. Т. 16, № 5. — С. 104–114.
14. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии, 1995в. № 6. — С. 25–40.
15. Василюк Ф.Е. Молитва — молчание — психотерапия // Московский психотерапевтический журнал 1996б. № 4. — С. 141–145.
16. Василюк Ф.Е. На подступах к синергичной психотерапии: история упований // Московский психотерапевтический журнал 1997б. № 2. — С. 5–24.
17. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. — М.: МГППУ; Смысл, 2003а.
18. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. — М.: Смысл, 2005.
19. Выгодский Л. Траурные строки (День 9 ава) // Новый путь, 1916. № 27.
20. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. Т. 1. — С. 291–436.
21. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
22. Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. — М.: Путь, 2002.
23. Зинченко В.П. Образ и деятельность. — М.: Институт практической психологии; Воронеж:НПО «МОДЭК», 1997.
24. Зябкина И.В. Нарушения волевой регуляции деятельности и их компенсация: Автореф. дис. — М.: МГУ, 1993.
25. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975.
26. Мюнстерберг Г. Основы психотехники. — М.: Рус. книжник, 1924.
27. Мясичев В.Н. Психология отношений. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2004.
28. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
29. Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. — М.: Смысл, 2005.
30. Роджерс К. Искусство консультирования и психотерапии. — М.: Апрель-Пресс; Изд-во Эксмо, 2002.
31. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1976.
32. Сидорова В.В. Культурная детерминация образа сознания (на примере русской и японской культур): Автореф. дис. — М.: МГППУ, 2005.
33. Флоренский П.А. Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. XVII. — М.: Изд-во Московск. патриархии, 1977.
34. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. — М.: Политиздат, 1974.